

Цитата попозже. И даже не цитата, все стихотворение. Потому что это — одно из последних стихотворений Булата Окуджавы. Дата есть: Марбург, 4 мая 1997 г., а умер Булат Шалвович в Париже. Он даже оставил в Марбурге куртку и дорожную сумку, за которыми хотел позже заехать, но не получилось. Препрада была непреодолима, потому что она называлась смертью. А скудное, но памятное имущество, покойного поэта по частям возвращали в Москву.

Я бы, может быть, и не писал эту статью, предоставив заметки и соображения собственному дневнику, если бы в этой маленькой квартире, которую собираюсь описать, не увидел в рамочке за стеклом большую грамоту, названную "За подвижничество в культуре", подписанную Д.С.Лихачевым, грамоту, на которой стояла еще и подпись главного редактора газеты "Культура", и печать газеты, в которой я имею честь быть автором.

Наверное, более странной комнаты и странной квартиры я, русский человек, не видал от рождения, потому что вся она, эта комната в центре Германии, заставлена была предметами русского быта, типично русскими сувенирами, типично русскими подарками. Например, стоят три или четыре детских хохломских столика, помните — такие продавали в наших магазинах, с прекрасными золотыми цветами и кистями рябины на столешнице. Хозяйка, будучи в Москве, сказала где-то, что ей очень нравится такой столик, и на ближайший день рождения почти каждый из друзей, слышавших это, подарил по столику.

Но пора представить хозяйку. Это — Барбара Кархофф, скромная преподавательница русского языка в Марбургском университете. В ее послужном списке, правда, есть

Культура, — 1998, — 15 янв. — с. 11

“Когда петух над Марбургским собором...”

два очень значительных обстоятельства. Она начинала после войны как ученица знаменитого Фасмера, профессора Петербургского университета и автора легендарного этимологического словаря русского языка.

Второе событие было менее значительным. Год или два назад она получила звание почетного доктора литературы Литературного института имени А.М.Горького в Москве.

Что привлекло к фигуре этой скромной немецкой женщины, владеющей, правда, русским языком, как родным, внимание Ученого совета?

Барбара Кархофф — человек отзывчивый и бескорыстный. Именно поэтому она всегда переводила всех знаменитых и менее знаменитых гостей, приезжавших в знаменитый Марбург: министров, ректоров, артистов, писателей, математиков и бизнесменов. В ее послужном списке треть нашего русского писательско-

го истеблишмента. Но дружила она с Окуджавой. Она не только переводила его стихи на публике и восторгалась его гитарой, она переводила его на телевидении, с нею он выступал на собраниях, она бывала у него в гостях в Переделькино, он бывал у нее.

Что из сувениров — иконки, картинок, палехских шкатулок, хохломских ложек, семеновской и мстерской росписи — принадлежало Окуджаве, не знаю. В конце концов самая высокая щедрость поэта — это щедрость его слова. Перед отъездом в Париж он написал стихотворение на разграфленном в клеточку листе из блокнота.

Написал, посвятил его своей старой приятельнице Барбаре Кархофф — и уехал в Париж.

Сергей ЕСИН,
член литературного общества г.Марбурга,
ректор Литературного института им.Горького

Когда петух над Марбургским собором
пророчит ночь и предрекает тьму,
его усердие не считайте вздором,
но счёты предъявляйте не ему.

Он это так заигрывает с нами,
и самоутверждается при том.
А подлинную ночь несём мы сами
себе самим, не ведая о том.

Он воспевает лишь рассвет прекрасный
или закат и праведную ночь.
А это мы, что над добром не властны,
стараясь и совесть превозмочь.

Кричи, петух на Марбургском соборе,
насмешничай, путай, грози поджечь,
пока мы живы и пока мы в горе,
но есть надежда нас предостеречь.

Марбург
4 мая 1997 г.

